

М. В. Дарчиева
Владикавказский научный центр РАН

МОТИВ УЯЗВИМОГО МЕСТА В ОСЕТИНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. Мотив как один из важнейших элементов сюжета всегда представляет интерес для исследователей фольклора. Осетинский эпический фольклор составляют «Сказания о Нартах», «Легенды о Царциата» и «Легенды о Даредзанта». Цель данного исследования: анализ мотива уязвимости в осетинском фольклоре. Актуальность исследования обоснована малоизученностью частотного для осетинского эпоса мотива уязвимого места на неуязвимом теле эпического.

Новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении эпического фольклора, включающего три известных цикла, а также в обнаружении не только основных, но и второстепенных сюжетов, содержащих указанный мотив. Для решения поставленной цели решаются следующие задачи: выявление сюжетов, содержащих рассматриваемый мотив; классификация разновидностей уязвимости в осетинском фольклоре; привлечение данных некоторых кавказских национальных версий эпоса «Нарты» для проведения более структурированного анализа; градация универсальных и специфических черт функционирования мотива.

В ходе исследования были выявлены разнообразные типы уязвимости эпического героя, отмечена их привязка к сюжету в соответствии с исполнительской традицией и вариативностью фольклорного текста; раскрыта связь мотива уязвимого места на теле неуязвимого героя с соматическим кодом культуры. Наиболее яркими примерами здесь служат образы Сослана и Батраза, а указанный мотив связан с сюжетами о рождении, закаливании и смерти героев. Уязвимость от своего же оружия свойственна как собственно нартам, так и их недругам. Вместе с тем в осетинских «Сказаниях о Нартах» встречаются герои, душа которых мыслится вне тела, что соответствует древним анималистическим представлениям. В данном типе уязвимости обнаруживается индоевропейская трехчастность. Неуязвимость, достигаемая героями благодаря чудесному воинскому снаряжению, доспехам, условна и связана с панцирем / кольчугой *Церчы згъæр* и шлемом *Бидасы така*. В осетинском эпосе, помимо уязвимости физического тела, встречается уязвимость психосоматического характера, свойственная определенному роду героев и встречающаяся в сюжете о женитьбе нарта Хамыца.

Перспективным представляется кроссжанровый анализ мотива уязвимости в осетинском фольклоре в целом, а также его сравнительно-сопоставительное исследование во всех кавказских версиях эпоса «Нарты».

Ключевые слова: осетинский фольклор; эпос; «Сказания о Нартах»; соматический код культуры; тело; мотив; неуязвимость; закаливание; уязвимое место; соматизм; колено; пята; подмышка

Для цитирования: Дарчиева, М. В. Мотив уязвимого места в осетинском эпическом фольклоре // Эпосоведение. – 2024. – № 3 (35). – С. 46–58. – DOI : 10.25587/2782-4861-2024-3-46-58.

© Дарчиева, М. В., 2024
© Darchieva, M. V., 2024

ДАРЧИЕВА Мадина Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия. ORCID: 0000-0002-9064-738X. E-mail: m.darchieva@gmail.com

DARCHIEVA Madina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia. ORCID: 0000-0002-9064-738X. E-mail: m.darchieva@gmail.com

M. V. Darchieva

Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences

The motif of a vulnerable part of the body in Ossetian epic folklore

Abstract. A motif as one of the most important elements of a plot is always interesting to folklore researchers. The Ossetian epic folklore consists of *Narts Sagas*, *Legends of Tsartsyata* and *Legends of Daredzanta*. The purpose of this study is to analyze the vulnerability motif in Ossetian folklore. The relevance of the study is substantiated by the understudied nature of the motif of the vulnerable place on the invulnerable body of the epic, which is frequent in the Ossetian epic.

The novelty of the research lies in the complex consideration of epic folklore, including three known cycles, as well as in the discovery of not only major but also minor plots containing the mentioned motif. The following tasks are being solved in order to achieve this goal: identification of plots containing the motif in question; classification of varieties of vulnerability in Ossetian folklore; attraction of data from some Caucasian national versions of the *Narts* epic for a more structured analysis; gradation of universal and specific features of the motif's functioning.

The study revealed various types of epic hero's vulnerability, noted their connection to the plot in accordance with the performing tradition and variation of the folklore text; revealed the connection of the motif of a vulnerable place on the body of an invulnerable hero with the somatic code of culture. The most vivid examples here are the images of Soslan and Batraz, and the above motif is connected with the plots of birth, hardening and death of heroes. Vulnerability from their own weapons is characteristic of both the Narts and their enemies. At the same time, in Ossetian *Narts Sagas* there are heroes whose soul is thought to be outside the body, which corresponds to ancient animalistic ideas. This type of vulnerability reveals an Indo-European tripartite nature. The invulnerability achieved by the heroes through miraculous military equipment and armour is conventional and is associated with the armour / chain mail of Tserék (*Tserechy zǵær*) and the helmet of Bidas (*Bidasy taka*). In the Ossetian epic, in addition to the vulnerability of the physical body, there is a vulnerability of a psychosomatic nature, peculiar to a certain kind of heroes and found in the story of the marriage of Nart Khamyts.

Cross-genre analysis of the vulnerability motif in Ossetian folklore as a whole, as well as its comparative study in all Caucasian versions of the *Narts* epic is promising.

Keywords: Ossetian folklore; epic; *Narts Sagas*; somatic code of culture; body; motif; invulnerability; hardening; vulnerable part; somatism; knee; heel; armpit

For citation: Darchieva, M. V. The motif of a vulnerable part of the body in Ossetian epic folklore. *Epic studies*. 2024, No. 3(35), pp. 46–58. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-3-46-58.

Введение

Эпические тексты осетин большей частью представлены «Сказаниями о Нартах», немногим меньше известны «Легенды о Царциата» и «Легенды о Даредзанта». Малоизученным в осетинском эпическом фольклоре, несмотря на свою частотность, является мотив уязвимости. Авторы в основном отмечают его в связи с сюжетами о закаливании Сослана и Батраза, не углубляясь в другие тексты. Вместе с тем, не вызывает сомнений архетипическая природа рассматриваемого мотива и его универсальный характер. Цель настоящего исследования – анализ мотива уязвимости в осетинских эпических текстах, выявление в нем универсальных и специфических черт.

Мотив уязвимости/неуязвимости в фольклоре интересовал исследователей различных мировых эпосов [1; 2; 3; 4] и др. Как известно, и в русской былинной традиции присутствует мотив физической неуязвимости богатырей: «... в целом русская былина не любит изображать смерть героя. Более того, наличие нескольких сюжетов, посвященных главным персонажам русского эпоса, не выстроенных в “биографическую последовательность”, создает иллюзию их вечности, бессмертия» [5, с. 79].

О мотивах неуязвимости и «ахиллесовой пяты» в древнегреческой мифологии, средневековом немецком героическом эпосе «Песнь о Нибелунгах» и эпосе «Нарты» пишет Р. Н. Абисалова.

Автор сопоставляет, во-первых, процесс закалки мифологического героя (и героя гомеровского эпоса) Ахилла с закаливанием нартовского Батраза [6, с. 138]. По одной версии, Ахилл был закален в огне, по другой – в водах подземной реки Стикс, тогда как Батраза последовательно закалили в огне и в воде.

К перекрестным сказочно-эпическим мотивам в абхазском фольклоре относил мотив «магической неуязвимости» Ш. Д. Инал-Ипа [7, с. 60]. В настоящей статье предпринята попытка обобщить сюжетообразующую роль рассматриваемого мотива в осетинских эпических текстах.

Уязвимое место на неуязвимом теле

Анималистические представления

Еще Е. М. Мелетинский в связи с тюрко-монгольским эпосом отмечал антропоцентризм богатырства – «признание ценности человеческой личности, доходящее до богоборчества» [2, с. 348]. По его мнению, представление о неуязвимости эпического богатыря «выступает как метафорическое выражение непобедимости героя, в то время как у его противников – полумифических чудовищ – эта “внешняя” душа далеко запрятана, и, чтобы умер уже побежденный в бою противник, богатырь (иногда его чудесный помощник или побратим) должен найти и уничтожить эту душу» [2, с. 348].

В осетинском фольклоре рассматриваемый мотив связан с анималистическими воззрениями. С. Ш. Габараев писал о том, что нартовский мотив пребывания души вне тела великана в эпосе отражает представления о «материальности души» [8, с. 86–87]. Анализируя феномен уязвимости в адыгской мифоэпической традиции, И. А. Ципинов возводил его к доисторическим представлениям о дихотомии души и тела, проследив их эволюцию: «... ставший впоследствии архетипическим мотив уязвимости-неуязвимости вызван к жизни поиском первобытным человеком ответа на вопрос о местонахождении (вместилище) души физической, шире – жизненной силы. По логике первобытного мышления только путем обнаружения этого вместилища и прямого воздействия на него можно убить человека» [9, с. 191].

Как в адыгском, так и в осетинском эпосе указанный мотив встречается в связи с великанам. Однако и в этом случае осетинский эпос обнаруживает индоевропейскую трехчастность; сразить врага удастся, сломив его душу, силу и веру: *уд – ныфс – тых* (душа – надежда, вера/уверенность – сила/мощь). Мотив весьма устойчив и встречается в большинстве вариантов сюжетов о борьбе с великанами или маликами: *Уырызмаг акъаертт кодта тæрхъусы æмæ жы æртæ бæлоны систа: уыу йæ уд уыд мæликкаен, иннагъы – йæ ныфс, æртыккаджы – йæ тых.* – ‘Уырызмаг разрезал зайца и вытащил из него трех голубей: в одном из них была душа малика, в другом – его уверенность, в третьем – его сила’¹ [10, кн. 1, с. 168, 171–172]; *Иу дзы йæ уд у, инна – йæ ныфс, æртыккаг – йæ тых.* – ‘Одна из них (ласточек. – М. Д.) – его душа, другая – его уверенность, третья – его сила’ [10, кн. 2, с. 364, 311, 373]. Три ипостаси врага могут быть связаны с птицами, животными, тремя волосинками на его макушке, или с его же оружием: *Уагъыгаен йæ сæрстау уыди æртæ урс хъуыны: уу дзы йæ ныфс уыд, инна йæ тых уыд. Æртыггаджы та йæ уд æвсæрд уыд.* – ‘У уаига посреди головы были три белые волосинки: одна из них была его уверенность, другая была его сила. А в третьей хранилась его душа’ [11, с. 96].

В интереснейшем тексте «*Уархæджы мæлæт*» («Смерть Уархага») недруг нартов гумир Карамаз (*Хъæрæмæдз*) рожден вместе с восемнадцатирогим оленем; мать вдохнула его в утробу беременной оленихи, когда умирала. Карамаз говорит о своей неуязвимости: *...мæнæн сæ фатæй мæлæт нæ, с’ арц мæ н’ ахиздæн, сæ кард мæ н’ алыг кæндæн.* – ‘...мне нет смерти от их стрелы, их копье меня не пронзит, их нож меня не поранит’. Из его ответа Уархаг заключает, что он рожден не от матери, и оказывается прав. Данный пример еще раз подтверждает мысль о связи неуязвимости с чудесным рождением героя. При этом нарт Уархаг, прежде чем отправиться сражаться с Карамазом, искупался в воде из родника на Черной горе, т.е. прошел

¹ Здесь и далее перевод автора.

процесс закаливания: *Уархаг сэй ытсæвд кæнын кодта 'мæ дзы йæхи ныннадта. Æмæ Уархагæн йе уæнгтæ сæхи систой.* – ‘Уархаг попросил ее разогреть и искупался в ней. И Уархаг ощутил легкость в теле’ [11, с. 207]. В олени, рожденном вместе с Карамазом, находится его душа. Уархаг раскалил свой меч, а затем окунул его в мочу оленя – только так можно было расправиться и с оленем, и с Карамазом.

Смерть от своего же оружия

Представления древних о душе эволюционировали. С «внешней» душой можно соотнести мотив смерти героя только от своего же оружия, в некоторых вариантах рожденного вместе с героем (*Фæлæ Созырыхъо уæддæр Гуыбатаейы буар йемæ райгуыргæ кардæй фæхъæн кодта.* – ‘Но Созырыко все же ранил Гуыбата его ножом, рожденным вместе с ним’ [10, кн. 2, с. 288]; *Арахсайæн та йæхи кардæй фæстæмæ мæлæт ницæмæй уыдис.* – ‘Арахса мог умереть только от своего же ножа’ [10, кн. 2, с. 240]; *Йæхи кардæй уыд йæ мæлæт.* – ‘От своего же меча была его смерть’ [10, кн. 2, с. 387]; *Сайнаг-æлдар Зауырбегæн йæхи кард йеддæмæ амарæн ницæмæй ис.* – ‘Сайнаг-алдара Заурбека только его же ножом можно убить’ [10, кн. 3, с. 348]). Он частотный для осетинского эпического фольклора и подтверждается множеством образов: Мукара, Гуыбата, Елтаган, Сайнаг-алдар, Албег, Хамыц, Бурафарныг, Буры-фырт, Сау Афсарон, Карадзау и др. В «Легендах о Царциата» криворотого Еугара можно убить только тремя его стрелами, закаленными в его моче [12, с. 153]. Следует отметить, что мотив уязвимости и смерти от своего же оружия касается как самих нартов, так и их недругов, как главных, так и второстепенных героев эпоса.

Нельзя не упомянуть Батраза, который неотделим от своего оружия, и смерть его возможна только после того, как меч будет брошен в море. Обстоятельства данного эпизода побудили Ж. Дюмезиля к выводам о том, что оружие Батраза наделено душой и равнозначно ему самому [1, с. 256; 13, с. 31].

Незакаленные колени

Мотив об уязвимости колен является, пожалуй, самым частым в эпическом фольклоре народов Северного Кавказа. В осетинском эпосе он связан с образом Сослана. Небесный кузнец Куырдалагон закаляет его в огне, а затем опускает в колоду с волчьим молоком. Но из-за вмешательства Сырдона кузнец изготовил колоду короче, чем нужно было, поэтому Сослану пришлось согнуть колени. В результате закаливания у небесного Куырдалагона тело Сослана становится крепким, как сталь, но незакаленными остаются колени, которые не удалось погрузить в волчье молоко.

Е. М. Мелитинский допускал общность сказаний о рождении Сослана, Митры и Улликумми – героя хетто-хурритского эпоса (бог Эа советует подрезать ему колени инструментом, которым небо отделили от земли) [2, с. 176].

По мнению А. И. Алиевой, для эпоса «Нарты» характерным является архаический мотив уязвимого места на неуязвимом теле [14]. И в адыгском эпосе А. С. Куек связывает мотив уязвимого места с образом Соусэрука. Кузнец Тлепш берет раскаленного младенца Саусэрука щипцами и семь раз окунает в воду: незакаленным на теле героя остается место, где его касались щипцы Тлепша. В разных вариантах это оба бедра младенца, либо колени, либо только одно из колен [15, с. 58–59]. Согласно одному из вариантов сказания о рождении Сослана осетинского эпоса, Шатана, держа новорожденного за ноги, окунает его в воду, и от этого тело его становится стальным [10, кн. 2, с. 5]. В зачине кадага «Нарты Сослан куыд амарди» («Как умер Нарт Сослан») говорится: *Нарты Сослан уыд æндонæй сæрст. Æнæ сæрстæй ма базадысты йæ зæнгты бацæбидтæ, уæларв Куырдалагон ын æртыскаенæй кæм хæцъд, уыдон* ‘Нарт Сослан был закален сталью. Незакаленными остались только его подколенные ямки, за которые небесный Куырдалагон держал его щипцами’ [10, кн. 2, с. 666].

В связи с циклом о Сосруко в адыгском эпосе А. Т. Шортанов называл рассматриваемый мотив «ахилло-зигфридовским» и считал, что он является «рамкой всего цикла» о герое, потому

как с него начинается и им кончается повествование о Сосруко [4, с. 212–213]. В. Михайлин относит осетинских Созырыко / Сослана и Батрадза к «цельнометаллическим» неуязвимым героям – представителям «маргинальной воинской страты», обязательным персонажам индоевропейских воинских эпических традиций [16, с. 26–27]. Вместе с тем для осетинского эпоса более характерно (за исключением двух приведенных выше примеров) *внешнее вмешательство* (см. роль Сырдона в процессе закалки Сослана), вследствие которого колени остаются уязвимыми. Р. Н. Абисалова при анализе мотива «ахиллесовой пяты» обратила на это внимание и отметила большую драматичность и экспрессивность данного эпизода в «Нартиаде», благодаря обусловленности человеческим фактором, по сравнению с другими эпосами [6, с. 138].

Соматизм *уæраг* (мн. *уæрджытæ* / син. *зæнгтæ*) ‘колени’ является компонентом некоторых устойчивых сочетаний, имеющих соответствия, например, в русском языке, таких, как ‘пасть на колени’, ‘колени подкашиваются’, ‘ставить на колени’ и др. В. И. Абаев отмечал, что лексема *уæраг* восходит к **warāka-* от *war-* ‘изгибать’, собственно «изгиб» [17, т. 4, с. 88].

Предельно ясно, насколько значимы здоровые колени (как и локти) для воина, как и то, что с ранением колена невозможно продолжать схватку. Безымянный сын Уырызмага пообещал некой женщине не убивать ее сына, который должен был отправиться за ним в погоню. Когда же юноша, несмотря на уговоры Безымянного сына Уырызмага, не желал отставать, тому пришлось нейтрализовать его: *Уый куына лæууыд, уæд ын йæ рæмбыныкъæдзтæ æмæ йæ уæраджычъирутæ раæфтæ кодта æмæ йæ уæлвæндаг æрæвæрдта.* – ‘Когда он так и не остановился, юноша ударил его по локтям и коленным чашечкам, затем уложил его на обочину’ [10, кн. 1, с. 388; 18, №4, с. 111]. У героя Ростом из эпоса о Даредзанах к коленям прикреплены алмазы, ими он разрубает надвое своего врага (*Rostom jæ uærdžytyl nalmastæ dardta, xærdmæ jæ skhuyrdta jæ uærdžytæj æmæ jæ astæuyl akhuyrdta jæ læbpujy* [19, с. 62]).

Особая уязвимость колен подтверждается в осетинском эпосе еще одним мотивом: когда герой притворяется мертвым, чтобы выманить из неприступной крепости своего врага. Такой встречается чаще в связи с образом Сослана, например, в вариантах сюжета о завоевании крепости Хыз. Так, Челахсартон, догадываясь, что Сослан лишь притворяется мертвым, предлагает своим воинам проверить свои догадки: *Уæдæ ма æфсæн уæхст сырх зынг акæнут || Æмæ йын æй йæ зæвæты ныззилут, || Уæраджы сæргæй тахъа куыд сæппара, æфтæ.* – ‘Раскалите тогда докрасна железный шампур || И вкрутите ему в пятку, || Чтобы из колена вышла пена’ [10, кн. 2, с. 111]; *Уæдæ ма бырау ахæссут æмæ йын æй йæ зæвæты сзилут æмæ йын йæ уæраджы магъзæй рахæссут.* – ‘Тогда возьмите сверло и вкрутите ему в пятку и принесите костного мозга из его колена’ [10, кн. 2, с. 125]. Следовательно, для данного мотива характерно упоминание, помимо колена, соматизмов ‘пятка’ (*зæвæт* / *счыл*) и ‘костный мозг’ (*уæраджы магъз*).

В целом, в осетинском эпическом фольклоре эпизод об уязвимых коленях репрезентирован соматизмами *уæрджытæ* / *зæнгтæ* ‘колени’, *уæраджы чъири* ‘коленная чашечка’, *уæраджы кæхц*, *уæраджы магъз* ‘костный мозг’, *баæбидтæ* ‘подколенные ямки’, *уæраджы фæтасæн* ‘коленный изгиб / коленный сустав’.

Ярко представлена сцена состязания в искусстве танца между Ацамазом и сыном Бурафарныга. Юноши танцуют на краю кипящего котла. Сырдон подбросил дров, и огонь под котлом разгорелся еще больше. Языки пламени обжигали подошвы ног юношей. Тогда сын Бурафарныга окунул свои колени в бульон, а Ацамаз, напротив, начал танцевать еще ловчее (*Бурæфæрныджы фырт йæ зæнгтæ басы фæтъыста, фæлæ Ацæмæз, йæ дæлфæдтæ куы ссыгъдысты, уæд фæцъыррдæр кодта йæ кафт* [18, №7, с. 95]).

Другой неуязвимый нарт – Батраз – так же, как и Сослан, осознает необходимость закаливания. И даже его пребывание в детском возрасте у Донбеттыров – часть этого замысла. Незавершенный процесс закаливания в будущем грозит ему неприятностями, и, когда нарты узнают о нем и просят его пойти с ними, он отвечает: *Нæ, нырма мæ доны махи сæрдын хъæуы, кæннод мын фæстагмæ æвзæр уыдзæни. Рæстæг куы уа, уæд уæм зындзынæн...* – ‘Нет, мне необходимо

пока закалиться в воде, иначе потом мне будет плохо. Когда настанет время, я приду к вам ...» [10, кн. 7, с. 240].

Все тексты о закаливании Сослана отличаются некоей традиционностью по сравнению с разнообразием вариантов о закаливании Батраза. В сказании «Батраз и дочь Солнца» («*Батырадз æмæ Хуры чызг*») Солнце советует герою отправиться к родственникам матери – Донбеттырам, поскольку у них водятся особые рыбы (*бер кæфтæ*). Жир и молоко этих рыб Батразу нужно пить в течение недели, после этого он выдержит закаливание в кузнице Куырдалагона, иначе – сгорит [10, кн. 7, с. 247]. Далее приводится подробное и красочное описание процесса закаливания, завершившегося в море. От жара раскаленного Батраза высохло море, в которое он погрузился. Не хватило воды, и одна кишка героя осталась незакаленной: *Батырадзы тъанджы кæрон ма донхъæстæ нæ фæцис, иннæ цууылдæр цъæх æндон фестæди* [10, кн. 7, с. 250; 546]. В варианте сказитель добавляет: *Уый Хуыцауы фæндонæй баззæди æнæ сæрст, уæд ын амæлын нæ уайд*. – ‘Это по велению Хуыцау (Бога) она осталась незакаленной, иначе он был бы бессмертен’ [10, кн. 3, с. 70].

Волосы

Уязвимое место на теле Батраза в вариантах – голова: незакаленными остаются три белые (!) волосинки на его лбу / макушке. Об этом знает Хуыцау (Бог), который помогает небожителю одолеть нарта: *Батрадзæн йæ ныхы ис æртæ урс æнæсæрст æрдуйы, болат æндонæй. Гъемæ йын уæ кæд исчи йæ ныхы зыгъар фæцæф кæна, æндæр ын мæлæт ницæмæй ис*. – ‘У Батраза на лбу три не закаленные булатной сталью волосинки. И если только кто-то из вас смог бы нанести ему удар по этому белому пятну, иначе никак не убить его’ [10, кн. 3, с. 439]; *Фæхаудта фурдмæ цу мæйдæр æхсæв, сывдылди донь ‘мæ фестæди цъæхболат æндон. Æрмæст ма йæ фæтæн ныхыл аззæди зыгъар æртæ урс æрдуйы æнæвдылдæй* ‘Выскочил он в море одной лунной ночью, окунулся в воду и стал стальным как серый булат. Только на широком его лбу остались белым пятном три светлых волоса незакаленными’ [18, №8, с. 89]. Этот же эпизод встречается в югоосетинском тексте: *...æмæ ма йæ сæры астæу æртæ æрдуйы æнæсæрст баззæди* [10, кн. 3, с. 17]. В одном из вариантов сказания отмечены два уязвимых места на теле Батраза – кишка и три волосинки на лбу [10, кн. 3, с. 494, 663].

Представляет интерес также связанный с Патаразом мотив уязвимости в адыгском эпосе. И. А. Ципинов приводит сказание, в котором «нарты смогли одолеть Батараза только после того, как в аркан, которым его связывали, были вплетены волосы матери» [9, с. 192]. В эпосе о Царциата волосы матери Ахуы – Бонварнон – вплетаются в веревку для тетивы лука, иначе она рвется [12, с. 35]. Прямая связь между материнскими волосами и силой героя есть в осетинских «Легендах о Даредзанах». У жены Йамона – золотые волосы, отрезав которые ее лишают жизни (*Утæн уыд дзыгкæтæй жæ мæлæт*. – ‘Ее смерть заключалась в волосах’). Но в тот же день из ее утробы достают раскаленного младенца Амырана, его тут же бросают в море, где он и живет до юности. В тексте говорится, что он был бы неуязвим, если бы был вскормлен материнским молоком [19, с. 11–12].

На лбу как уязвимом месте на неуязвимом теле осетинского Батраза сверкает волшебная бусина *Цыкура*: *Батрадзæн уыдис йæ ныхы цыкурайы фæрдыг æмæ æхсæв цæхæр калдта йæ ныхæй стъальыйау. Йæ ныхы ыззæди æртæ урс æрдуйы æнæсæрст болаты æндонæй, æмæ фæрдыг æрттытæ уырдыгæй*. – ‘У Батраза на лбу была волшебная бусина *цыкура*, и светила она ночью со лба, словно звезда. На лбу у него выросли три белые волосинки, не закаленные булатной сталью, и сверкала оттуда волшебная бусина *цыкура*’ [10, кн. 3, с. 440]. Очевидно, данный эпизод связан с представлениями о третьем глазе. Именно в эту бусину поражает Батраза трехгранной стрелой меткий громовержец Уацилла. Подтверждением того, что лоб (и глаза) – уязвимое место на теле Батраза, являются относящиеся только к нему эпитеты – *къуыппых æмæ дзыгъырдаст* ‘крутолобый и с вытаращенными глазами’, *цæгæрсæр* ‘плешивый, лысый, без волос’.

В каждом из вариантов сюжета о рождении Батраза обязательно упоминается, что у небесного кузнеца Куырдалагона недостаточно воды для закаливания Батраза, поэтому его опускают / бросают / он бросается в море, и море высыхает полностью.

Связь с водной стихией важна для Батраза на протяжении всей его жизни. В кадаге о сражении с небожителями *Хуыцау* (Бог) подсказывает им, как одолеть стального нарта: *Уымæн йæ иу сæрыфахс æрхуыйæ у 'мæ йын уый куы стæвд уа, æмæ йæм уый куы ныхъхъара, уæд уымæй у йæ мæлæт, æндæр ницæмæй. Ныр æй сымах сæндон бæстæм асайут æмæ дзы уым хæст ракъахут. Æмæ æз, афæдзæй афæдзмæ цы хур кæсы, уый иу бон фæкæсынкæндзынæн æмæ йæ сæрыфахс ыстæвд уыдзæни, 'мæ уымæй у йæ мæлæт.* – 'Часть его черепа сделана из меди, и если она раскалится и потечет (просочится), он умрет от этого, больше ни от чего. Теперь выманите его в такую сторону, где нет воды, и затейте с ним ссору. А я заставлю солнце, которое светит в течение года, светить в один день, часть его головы раскалится, и он погибнет [18, № 3, с. 95]. Из данного отрывка можно понять, что и часть черепа героя уязвима, потому что она из другого, менее прочного, чем сталь, металла – меди. Однако еще в одном варианте говорится, что макушка Батраза не погрузилась воду при закаливании героя, потому как море от его жара стало высыхать. Таким образом, уязвимой остается голова, которая раскалится при сильном солнце и доставляет неудобства герою [10, кн. 3, с. 36]. Лейтмотив незавершенности закаливания в сюжете о рождении Батраза можно назвать устойчивым; он выражается устойчивыми формулами *фаг сæрст / дзæбæх сæрст* – достаточно / хорошо закаленный: *Фаг сæрст не 'рцыдтæн, æмæ мæ байсæрут!* – 'Я был не в полной мере закален, закалите меня еще!' [10, кн. 3, с. 39]; *Нæй йын адзал – йæхи байсæрста фаг.* – 'Нет ему смерти – он закалил себя в полной мере' [10, кн. 3, с. 313]; *«Додой, – дам, – дæ сæр кæны, куыддæр дзæбæх сæрст нæ уон, афтæ.* – 'Несдобровать, мол, тебе, если не закалишь меня хорошенько' [10, кн. 3, с. 501].

Подмышки

В дигорском кадаге о том, как Батраз спас нартовских воинов, говорится о том, что уязвимыми остались его подмышки, и ему пришлось вернуться к небесному кузнецу, чтобы закалиться окончательно. Однако, как отмечено в комментариях к тексту [10, кн. 3, с. 152; 624], данный эпизод характерен скорее для исторических преданий об Ос-Багатаре. В «Нартиаде» он встречается в связи с образом Бора – одного из представителей старшего поколения нартов. Его недруг Буртаг отправляет своего слугу, чтобы выведать уязвимое место на теле Бора. Тот попросился к нему в услужение, сообщив, что перешел на сторону нартов: *Борæ йыл баууандыди 'мæ йæ йæхимæ хæстæг сæрбакодта. Буртæджы цумагæнæг аивсæй хъахъхъæдта Борæйы, фæфиппайдта, ызгъæр ын йæ дæлæрмиттæ кæй не мбæрзы.* – 'Бора доверился ему, и приблизил его к себе. Слуга Буртага осторожно караулил Бора, и понял, что кольчуга не защищает его подмышки' [11, с. 25].

Болатбарзай, младший брат Бора, сражается с гумирами и уаигами, но его кольчуга неуязвима для их мечей: *Уæд ын йæ уæнтырдыгæй сысчыл кодтой йе згъæр. Уым ын гомæй фæдтой йæ буар. Арцыл æй систой. Æрсагътой арц зæххыл æмæ йæ афтæмæй хъеллаугæнæг ныууагътой тыгъд быдыры.* – 'Тогда они на спине приподняли его кольчугу. Увидели под ней оголенное тело. Подняли его на копье. Всадили копье в землю и оставили его, качаясь, в открытом поле' [11, с. 45].

Чудесные доспехи

По мнению В. М. Жирмунского, «магическая неуязвимость» – одно из чудесных свойств эпического героя, характерное для героического эпоса и богатырской сказки тюркских и монгольских народов, а также для эпосов индоевропейских народов. Вместе с тем ученый выделил «условно уязвимых» героев в эпосе народов Северного Кавказа, отмечая, что данный мотив более поздний, а его «дальнейшей рационализацией» служит обоснование неуязвимости героя его чудесным обмундированием [3, с. 18–20].

Как отмечает Р. М. Гайфутдинова, в эпосе татарского народа батыр изначально наделен магической уязвимостью, которая является неотъемлемой чертой эпической биографии. При этом автор развивает идею неуязвимости «героя-архетипа» из эволюции самого мотива: «Если у героя-архетипа данную черту составлял его характер или нрав, то в произведениях эпоса поздних вариантов магическая уязвимость становится характерным признаком или качеством боевых принадлежностей героев» [20, с. 55]. И далее автор приводит пример из эпоса «Идегей»: неуязвимый панцирь (олпак) Токтамыш хана.

Чудесный панцирь, защищающий героя от любого вражеского удара, есть и в осетинском эпосе – *Церечы згъар*, особенность которого заключается еще и в том, что он мгновенно, по призыву к бою, надевается сам на хозяина; его невозможно повредить мечом или пронзить стрелой [10, кн.1, с. 545]. В некоторых сказаниях его обладателем становится Сослан, который согласен поставить его на кон в состязании в танце с сыном Хыза: *Кæд мæ ды амбулай, уæд æз та ратдзынæн дауæн мæ номдзыд Церечы згъар...* – ‘Если ты меня обыграешь, я отдам тебе свой знаменитый панцирь Церека...’ [10, кн. 2, с. 140]. Приведенный текст впервые опубликован в 1871 г. Дж. Шанаевым, который отмечал в комментариях: «*Церечы згъар*, *Бидасы така* – панцирь Церека, шлем Бидаса. Церек и Бидас – это были какие-то герои нартовские. Панцирь Церека и Бидасов шлем обладали тем замечательным достоинством, что их не могли пробить никакой меч, никакая пуля или стрела. Панцирь же вдобавок боелюбив» [10, кн. 2, с. 858]. А. А. Туаллагов связывает его с образом другого героя эпоса – Скал-Бессона, и проводит параллель с панцирем из индийского фольклора, в случае опасности появившимся на теле Сканды [13, с. 212].

В сказании о мести Уырызмага за убийство его сына войска Уырызмага и Хамыца сражаются с Нартами и Чинтами, у которых оказывается невероятно сильный, облаченный в кольчугу, воин. Он взбирается на семирусную башню и истребляет войска Уырызмага и Хамыца. Тогда Шатана поднимается к нему и, якобы, подбадривая его, говорит, что ему следует заткнуть за пояс полы его платья, мол, они мешают ему в бою. На что герой отвечает, что ему некогда этим заняться, и что Шатана сама могла бы заправить их. Тогда Шатана, воспользовавшись моментом, оторвала три звена от его кольчуги и отнесла их небесному Куырдалагону с просьбой отлить из них три пули. Этими пулями затем Уырызмаг убил облаченного в чудесную кольчугу нартовского воина [10, кн. 1, с. 228]. Данный пример в некотором роде схож с мотивом смерти героя от своего же оружия.

У юного Созырыко от рождения есть чудесная кольчуга / панцирь: *Уæларæв Куырдалагон дын аразы згъар, бахъуыды бон дын дæ бахы дæр æмбæрздæенис; топпы намгуытæ дзы æмбырд кæндæенис фондзыссæдз цæджы, карды цæфтæ дзы æмбырд кæндæенис дыууæ фондзыссæдз цæджы; æнæуи бон та дын хæдоны йас йеддæмæ нæ уыдæенис.* – ‘Небесный Куырдалагон тебе куёт панцирь, что в час опасности будет прикрывать не только тебя, но и твоего коня; против ружейной пули в нем будет сто колец собираться, против удара меча – двести колец; а в обычный день он будет словно рубаха’ [10, кн. 2, с. 604].

В числе даров *Хуыцау* (Бога) нартам – чудесные щит и панцирь: *...дыккаг лæвар у сыгъдæг къандзæг уарт, йæ минуæг та у, цыфæнды цæф ыл æмбæла – нæ дзы ахиздæн; æртыккаг лæвар – мæ хæстон згъар, йæ минуæг у: куы йæ æркæнай дæ уæлæ, уæд дæ нæ кард кæрддæени, нæ дæ фат ныхсдæн.* – ‘...второй дар – чистый (?) щит, свойство его таково, что он отражает любой нанесенный удар; третий дар – мой военный панцирь, его свойства таковы: если наденешь его, тебя ни нож не ранит, ни стрела не пронзит’ [10, кн. 2, с. 28]. Небожители решили преподнести щит Хамыцу, а панцирь – Сослану.

Уязвимость словом

Сюжет о женитьбе Хамыца связан с мотивом Мелюзины. Род жены Хамыца (Быцентæ / Быценты Дыченæг / Дурагонтæ / *Хæдмаст Псæлтæ*) уязвим несколько иначе: *уайдзæф нæ барыны, маст нæ уромыны* – ‘укора / замечания они не прощают, обиды не терпят’; *уайдзæфæй*

рынчын кæныц, фидисæй мæлгæ – ‘от укора / замечания они заболели, от порицания / хулы – умирают’ [10, кн. 6, 493–494]; *Быцента фидисæн нæ фæразыц.* – ‘Род Быцента не может вынести укоров / обиды’ [10, кн. 7, с. 198]; *Нартæ сты фидисгæнаг, æмæ мах та фидисæн нæ лæууæм.* – ‘Нарты любят обидеть словом, а мы не выдерживаем укоров’ [10, кн. 7, с. 209]. Жена Хамыца называет себя и своих родственников эпитетом *карзмаст* (*карз* – суровый / жестокий / яростный, *маст* – горечь / обида / досада / гнев / неприятность): *...фæлæ мах стæм карзмаст, фидисæй рынчын кæнæм, уайжæфæй мæлгæ кæнæм.* – ‘...но мы восприимчивы к обиде, от упреков мы заболеваем, от укоров / замечаний умираем’ [10, кн. 3, с. 13]. В одном из текстов их родовое имя также содержит корень *маст* – *Хæдмаст Псæлтæ* [10, кн. 3, с. 5]. Следует отметить, что мы имеем дело с фольклорной эпической формулой, устойчивой для сюжета о женитьбе Хамыца. Компоненты формулы *фидис* и *уайдзæф*, как видим, могут быть переставлены местами, при этом она встречается во всех текстах, зафиксированных как в Северной, так и Южной Осетии.

Мать Бидас-алдара случайно раскрывает тайну уязвимости своего сына. Он рожден необычным образом: мать изрыгает раскаленные угли, вместе с которыми выскакивает ребенок. *Уый гуыргæ нæ ракодта, мæ хъалæсæй райгуырди, æмæ йын куыддæр исчи бафидис кæна, уомдзæгæй гуыр дæ, уæд зæрдæскъуыд фæуыдзæни.* – ‘Он не рожден [обычным способом], а рожден из моей гортани, и, если вдруг кто-то поставит ему в укор, что он рожден из блевотины, его сердце разорвется’ [10, кн. 7, с. 149].

Уязвимость чудесного коня

Помимо уязвимости самого героя в осетинском эпосе встречается мотив в отношении боевого коня, и зачастую уязвимы копыта коня. С. Ш. Габараев предполагал, что душа коня Сослана спрятана в единственном уязвимом месте – его копытах (подошвах) [8, с. 86–87]. То же уязвимое место у коня адыгского Сосуко: «...Ни одно животное в мире не догонит меня, но мои подошвы мягкие. По камням много не пройду. Мои силы на этом иссякнут» [9, с. 192]. В бесленейском тексте «О том, как был убит конь Соосуруко Тхожей» главный герой говорит о своей неуязвимости: «...если в копыта Тхожея не попадет пуля, если она не заденет мои бедра, я буду жить» [21, с. 227].

Секрет уязвимости богатырского коня стремятся выведать недруги нартвов. В осетинском эпосе зачастую они узнают его, подслушав диалог коня с наездником: *Мæ адзал мæнæн мæ къæхты хæфсытæй у; бынай мын мæ хæфсытæ куы нæ срахойай, уæд мын мæлæт нæй: хъандзалæфтæг дæн.* – ‘Моя смерть заключена в копытах’ [10, кн. 2, с. 529, 587]. Словосочетание *къæхты хæфсытæ* (*къæхтæ* – ноги, *хæфсытæ* – лягушки) не находит трактовки ни в одном словаре осетинского языка. Однако в комментариях к тестам [10, кн. 2, с. 839] находим описание, из которого очевидно, это так называемая стрелка на копыте, в которой выделяют верхушку, ножки и межножковый желоб. Вероятно, в осетинском языке она получила свое название благодаря сходству с лягушкой (*хæфс*).

Несмотря на то, что богатырский конь отличается крепкими, стальными копытами (устойчивый эпитет *хъандзалæфтæг* – твердокопытный, стальнокопытный в осетинском эпосе; медные, стальные, булатные или железные, тверже чугуна копыта в эпосе балкарцев и карачаевцев [22, с. 54, 397, 437, 440]), уязвимо не копыто целиком, а определенная его часть: *Цалынмæ мын мæ сæфтæджы сæртæм хъавой, æмæ уыдон фæцæф уой, уæдмæ мын ницы уыдзæн.* – ‘Пока они не прицелятся мне в верхушки копыт, и не ранят их, со мной ничего не случится’ [10, кн. 2, с. 699]. Сырдон, выведав уязвимое место на теле коня Сослана, во время боя кричит нартвам, чтобы они целились в белые пятна на копытах лошади и в колени самого героя: *Йæ бахы сæфтæджыты урс ыстæлфтæм ын хъавут, ыстæй йæхи уæрджытæм* [10, кн. 2, с. 706]. И здесь следует вспомнить о роли цветовой символики. Можно заметить, что *урс* ‘белый’ выступает неким показателем уязвимости: белые волосинки, белое пятно на лбу Батраза, белые пятна на копытах Сослана.

Богатырский конь с единственно уязвимым местом (копытами), кроме Сослана, есть и у нарта Быдзага. Сразить его берутся далимоны – нечистая сила, обитающая под землей, оттуда они стреляют по мягким местам на копытах коня: *Далимонтæ Быдзагъы бæхы сæфтæджыты фæлмæнты бынæй æхсын байдыдтой. Бæх ныццудыдта æмæ æрхаудта.* – ‘Далимоны начали стрелять по мягким местам на копытах коня Быдзага. Конь споткнулся и упал’ [10, кн. 7, с. 405]. Вместе с тем, в осетинской традиции сами далимоны называются *сæфтæгджынтæ* – имеющие копыта, с копытами, копытные.

Помимо копыт, богатырский конь уязвим и несколько иначе. Известны его выдающиеся способности – выносливость, сила и др., приобретенные им при чудесном рождении или возвращении при определенных обстоятельствах. Так, например, выкормленным в подземном мире у далимонов (нечисти) конь Албег / Тотрадза боится волчьего запаха. *Уымæн йæ бæх дæлимонтæ хаст у, æмæ йын бирæгъæй йеддæмæ тæрсæн ницæмæй ис.* – ‘Его конь возвращен далимонами, и боится он только волка’ [10, кн. 5, с. 193]. Созрыко, по наущению Шатаны, надевает шубу из волчьих шкур и вешает на себя колокольчики, чтобы спугнуть чудесного коня Албег. В варианте сказания *Къулбадæг ус* (ведунья) советует Сослану, как одолеть Тотраза: у отца маленького Тотраза есть конь, возвращенный далимонами. Сослану нужно выманить Тотраза пострелять из лука, тот попросит у отца коня: *...дæхæдæг бавдæл æмæ æфтаугæты бæсты дæ саргъы бын бирæгъдæрмттæ бавæр. Уый ахæм бæх у, æмæ бирæгъдæрмтты тæф бафиппайдзæн, иу ран ын нал лæудзæн, лидздзæни йын, стæй йæ фæстæйы ды сур æмæ цæв.* – ‘...а ты возьми и вместо попоны постели под седло волчьей шкуры. Это такой конь, что он учует запах волчьих шкур, не устоит на месте, понесет, а ты догоняй его и бей’ [10, кн. 5, с. 330]. Этот мотив характерен только для сюжета о борьбе Сослана с маленьким Тотразом (в вариантах Албегом).

Связь *богатырский конь – волк* встречается и в сказании «Бурафæрныджы дугъ» («Скачки Бурафарныга»), по сюжету которого Батраз и Уастырджи участвуют в ритуальных скачках. Родственники Батраза – подводные жители Донбеттыры – предоставляют ему коня и советуют: *Дугъы ку’ ацæуай, уæд дын дæ разы бирæгъ фæстын кæндзысты. Ды-иу бирæгъы лалымыстыгъд акæ ‘мæ йæ ныддым, стæй йæ фехс æмæ барæгыл куы сæмбæла, уæд рахаудзæн, æмæ ды баразæй уыдзынæ.* – ‘Когда ты поскачешь, они сделают так, что перед тобой окажется волк. Ты сними с него шкуру и надувай ее, затем швырни, и когда она попадет во всадника, он выпадет из седла, и ты окажешься впереди’ [18, № 11, с. 110]. И здесь функциональные свойства связаны не с самим волком, а с его шкурой.

Заключение

Мотив уязвимости в осетинском эпосе проявляется весьма разнообразно. Начиная с анималистических представлений, когда нахождение души мыслится вне тела, когда смерть героя связана с его же оружием (в некоторых случаях рожденным вместе с ним), эпос обнаруживает известную индоевропейскую трехчастность. Она выражена фольклорной формулой единства души, веры и физической мощи: *уд – ныфс – тых*. Ярко представлена следующая разновидность мотива – уязвимость вследствие незавершенного или частичного закаливания героя; она устойчиво связана с соматическим кодом культуры и раскрывает уязвимые места на теле неуязвимого героя. В качестве наиболее очевидных примеров здесь можно рассматривать образы нартов Сослана и Батраза. При этом можно утверждать, что черты уязвимости в осетинском эпосе индивидуальны для каждого героя. Так, хромота или уязвимые колени являются отличительным признаком нарта Сослана, белое пятно или белые волосы на лбу, незакаленная кишка свойственны Батразу. В обоих циклах данный мотив является сюжетообразующим для определенного пласта сказаний, повествующих о рождении и детстве героев.

Отличительная черта мотива уязвимости в осетинском эпосе заключается в том, что в отличие, например, от былин, где он «находится на той стадии развития, когда налицо попытки рационализации древнейших представлений о неуязвимости героя – и магическая неуязви-

мость превращается в мотив спасительности христианской веры или надежности богатырского снаряжения» [5, с. 85], наблюдается обратное: чудесное снаряжение (панцирь или доспехи) более характерны для первого поколения нартов. Так, кольчуга защищает нарта Бора, оставляя уязвимыми лишь его подмышечные впадины. Данный мотив является перекрестным и встречается в исторических преданиях об Ос-Багатаре. Кроме того, в эпосе имеется магическое обмундирование: панцирь и шлем – *Церечи згъаер*, *Бидасы така*, придающие неуязвимость своему обладателю.

Помимо уязвимости физического тела, в эпосе есть примеры психосоматической формы. Так, уязвимость словом встречается в сюжете о женитьбе Хамыца и характерна для определенного эпического рода – родственников жены Хамыца.

Отдельно выделяется в эпосе мотив уязвимого места на теле неуязвимого богатырского коня – мягкая часть на копыте. Вместе с тем чудесному коню свойственна еще одна форма уязвимости – боязнь волчьей шкуры.

Литература

1. Дюмезиль, Ж. Осетинский эпос и мифология. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1976. – 276 с.
2. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с.
3. Жирмунский, В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1962. – 435 с.
4. Шортанов, А. Т. Героический эпос адыгов «Нарты» // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – Москва : Наука, 1969. – С. 188–225.
5. Хлыбова, Т. В. Теме бессмертия и мотив «магической неуязвимости» героев русского песенного эпоса // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / ответственные редакторы С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. – Москва : Государственный институт искусствознания, 2015. – С. 78–94.
6. Абисалова, Р. Н. О мотивах неуязвимости и «ахиллесовой пяты» в Нартовском и некоторых европейских эпосах // Всероссийские Миллеровские чтения. – 2008. – № 1. – С. 137–139.
7. Инал-Ипа, Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – Москва : Наука, 1969. – С. 30–68.
8. Габараев, С. Ш. К вопросу о народном мировоззрении в Нартовском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – Москва : Наука, 1969. – С. 69–102.
9. Ципинов, И. А. Феномен уязвимости как элемент образостроения персонажей мифо-эпической традиции адыгов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 1 (45). – С. 191–196.
10. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 1. – Владикавказ : Ирystон, 2003. – 592 с. ; Книга 2. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2004. – 896 с. ; Книга 3. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. – 712 с. ; Книга 5. – Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2010. – 766 с. ; Книга 6. – Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. – 544 с. ; Книга 7. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ, 2012. – 617 с. (На осетинском яз.)
11. Сказания о Нартах ; В пяти томах. Том I / составитель К. Ц. Гутиев. – Орджоникидзе : Ир, 1989. – 496 с. (На осетинском яз.)
12. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа / составитель Ф. М. Таказов. – Владикавказ : РИО СОИГСИ, 2007. – 312 с. (На осетинском яз.)
13. Туаллагов, А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2001. – 315 с.
14. Алиева, А. И. Нартский эпос. Жанровые особенности Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : <https://bigenc.ru/c/nartskii-epos-28fe5e>. (Дата обращения : 10.12.2023).
15. Куек, А. С. О мотивах в адыгском нартском эпосе // Доклады Адыгской (Черкесской) международной академии наук. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 54–63.

16. Михайлин, В. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 528 с.
17. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. – Ленинград : Наука, 1989. – 325 с.
18. Сказания о нартах; в пяти томах. Том III / составитель К. Ц. Гутиев // Мах дуг. 2005. – № 3. – С. 84–111; № 4. – С. 94–121; № 7. – С. 93–137; № 8. – С. 74–111; № 11. – С. 101–134. (На осетинском яз.).
19. Сказания о Даредзанах, мифы и местные предания. Кн. II. – Цхинвал : [б. и.], 1929. – 168 с. (На осетинском яз.).
20. Гайфутдинова, Р. М. Некоторые сравнительно-типологические черты Батыра в эпосе татарского народа // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2016. – № 1 (01). – С. 51–57.
21. Нарты. Адыгский героический эпос / составители А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 415 с.
22. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / ответственный редактор А. И. Алиева. – Москва : Наука, 1994. – 656 с.

References

1. Djumezil' Zh. Ossetian epic and mythology. Moscow, Main Editorial Board of Oriental Literature Publ., 1976, 276 p. (In Rus.)
2. Meletinskij, E. M. Origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments, 2nd ed. Moscow, Oriental literature Publ., 2004, 462 p. (In Rus.)
3. Zhirmunskij, V. M. Folk heroic epic. Comparative-historical essays. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1962, 435 p. (In Rus.)
4. Shortanov, A. T. Heroic epic of Adygs “Narts”. In: Tales of Narts – epic of the peoples of the Caucasus. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 188–225. (In Rus.)
5. Khlybova, T. V. The theme of immortality and the motif of “magical invulnerability” of the heroes of the Russian epic song. In: Functional-structural method of P. G. Bogatyrev in modern folklore research: Collection of articles and materials. Executive editors S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva. Moscow, State Institute of Art History, 2015, pp. 78–94. (In Rus.)
6. Abisalova, R. N. On the motives of invulnerability and the “Achilles heel” in the Nartovsky and some European epics. *All-Russian Miller Readings*. 2008, No. 1, pp. 137–139. (In Rus.)
7. Inal-Ipa, Sh. D. Historical roots of the ancient cultural community of the Caucasian peoples (experience of comparative study of the Nart epic). In: Tales of the Narts – the epic of the peoples of the Caucasus. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 30–68. (In Rus.)
8. Gabaraev, S. Sh. On the issue of the folk worldview in the Nart epic. In: Tales of the Narts – the epic of the peoples of the Caucasus. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 69–102. (In Rus.)
9. Tsipinov, I. A. Vulnerability phenomenon as an element of person’s image of characters of myth-epic Adyge tradition. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2012, No. 1 (45), pp. 191–196. (In Rus.)
10. Narta Sagas: Epic of the Ossetians. Book 1. Vladikavkaz, Iryston Publ, 2003, 592 p.; Book 2. Vladikavkaz, V. A. Gassiev Publishing and printing enterprise, 2004, 896 p.; Book 3. Vladikavkaz, V. A. Gassiev Publishing and printing enterprise, 2005, 712 p.; Book 5. Vladikavkaz, Publishing and printing department of North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies, 2010, 766 p.; Book 6. Vladikavkaz, Publishing and printing department of North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies, 2011, 544 p.; Book 7. Vladikavkaz, Publishing and printing center of North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies, 2012, 617 p. (In Ossetian)
11. Narta Sagas; in vol. Vol. 1. Compiler K. C. Gutiev. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1989, 496 p. (In Ossetian)
12. Legends about Tsarciata: epic of the Ossetians. Compiler F. M. Takazov. Vladikavkaz, EPD NOIHSS, 2007, 312 p. (In Ossetian)
13. Tuallagov, A. A. The Scythian-Sarmatian world and the Nart epic of the Ossetians. Vladikavkaz, North Ossetian State University Press, 2001, 315 p. (In Rus.)
14. Alieva, A. I. Nart epic. Genre features. Great Russian Encyclopedia [Web recourse]. URL: <https://bigenc.ru/c/nartskii-epos-28fe5e>. (Accessed December 10, 2023). (In Rus.)

15. Kuek, A. C. About motives in the Adyghe Nart epic. *Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences*. 2019, Vol. 19, No. 1, pp. 54–63. (In Rus.)
16. Mihajlin, V. the path of animal words: spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 528 p. (In Rus.)
17. Abaev, V. I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 325 p. (In Rus.)
18. Narta Sagas; in vol. Vol. 3. Compiler K. C. Gutiev. *Mah dug*, 2005, No. 3, pp. 84–111; No. 4, pp. 94–121; No. 7, pp. 93–137; No. 8, pp. 74–111; No. 11, pp. 101–134. (In Ossetian).
19. Legends about Darezanta, myths and local traditions. Book 2. Chinval, 1929, 168 p. (In Ossetian).
20. Gaifutdinova, R. M. Some comparative-typological features Batyr in the epos of the Tatar people. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies*. 2016, No. 1 (01), pp. 51–57. (In Rus.)
21. Narta. Adyghe heroic epos. Compilers A. I. Alieva, A. M. Gadagatl', Z. P. Kardangushev. Moscow, Nauka Publ., 1974, 415 p. (In Rus.)
22. Narta. Heroic epic of the Balkars and Karachais. Executive editor A. I. Alieva. Moscow, Nauka Publ., 1994, 656 p. (In Rus.)